

Валерий Зякин

Кипятильня

18+

Валерий Зякин Кипятильня

<https://litres.ru/74609178>

SelfPub; 2026

Аннотация

Сюжет поэмы происходит параллельно с четвёртой Перхатъей и повествует о приключениях Блевобека и Анатолия в Кипятильне.

Содержание

Часть 1.	4
Часть 2.	54

Кипятильня

Часть 1.

Глава I.

Деревня гнилая, смрад, нищета,

Так было все здесь и так будет всегда.

Бухие бомжи тут лежат под забором,

Умрут они скоро от голодомора.

По полю там бегал веселый мужчина,

Украд он теленка коровы Мальвины.

Его догоняла большая скотина,

Теленка забрать, по башке дать дубиной.

Но гордый мужик быстроты не сбавлял

И, сбросив какашки, вперёд он бежал.

И тут увидал вдалеке электричку,

А рядом проехала конная бричка.

Извозчик тут крикнул: «Прыгай ко мне,

Повозку мою не испачкай в говне!»

Но просьбу мужик, как хотел, не исполнил,

Говном смрадным, мерзким карету наполнил.

Извозчик крикнул: «Оболдуй!»

И был таков он, толст буржуй.

Вдруг тормоза в повозке конной.

Мужик весьма инерционный,

Он вдруг ракетой полетел,

Извозчик в страхе обомлел.

Теленок в страхе обосрался,

Говном в повозку он кидался.

Попал один снаряд в коня,

Того, что в бричке вез меня.

Вы возразите тут, читатель:

«Героя спутал и себя!»

Но в третий раз скажу Вам, шпатель,

Мозги в труху стихом дробя.

Огромная туша летит в электричку,

В полете он жиром сбивает синичку,

Стекло в электричке башкой разбивает,

Как боров с телятником в вагон он влетает.

Представьте, читатель, такую картину:

Сидите вы в поезде, в теплой кабине,

И вдруг к вам влетает жирнющий мужик,

Его жирной туши взираете лик.

Внезапно лезгинку начал танцевать:

«Насрать, все насрать и еще раз насрать!» -

Мужик тараторить частушкой вдруг стал,

Теленок в вагоне на пол наблевал.

Пристал к мужику проводник Еремей,

Билет он потребовал дать на съеденье

Иль штраф оплатить восемнадцать рублей,

Но срал тот мужик на кондуктора мнение.

Ему дал теленком мужчина в лицо,

Схватил его сильной рукой за яйцо,

На метр прям ввысь Еремея поднял

И яйца ему между ног оторвал.

И тут Еремей в сапоги преобулся,
Как шарик весёлый он лопнул и сдулся,
На тяге воздушной поднялось все вверх,
Взорвался кондуктор прям как фейерверк.
Кишки распластались по стенкам вагона,
Воняло там хуже свиного загона,
Попрыгали туши, все окна разбили,
Себя от инерции люди убили.
Но наш мужичок уж Перуну молился
И в куст со смородиной он приземлился.
А рядом на поле там был пролетарий,
Он граблями острыми брал всю картошку,
Кастрюлю использовал в качестве тары,

В мужчину он кинул куриную ножку.

Рабочий совсем чужеземцу не рад,

Схватил из компоста свеклу и морковь,

Надрать устремился герою он зад,

Собрал из помета герой наш винтовку

Он с тонкой кишки карбюратор достал

И что было мочи в него надристал,

Заправил в отверстие желтое зелье,

Но вдруг у мужчины настало похмелье.

И начал он мощно и быстро блевать,

Рабочего страшного смог отогнать,

Но тот пролетарий подмоги воззвал,

Рабочих озлобленных в поле согнал.

Мужик побежал, а крестьяне за ним

Кидали в героя там все самовары.

Нёсся мужчина ногами гнилыми,

Как бегал когда-то я в поле Броваров.

В героя уже телевизор летел,

Догнать пролетарий мужчину хотел,

Но спас вдруг Перун мужика громом молний,

Рабочие все превратились в помои.

На весь этот смрад наш мужик прибежал

И бедных рабочих он смело сожрал.

И тут увидал вдалеке муравейник

И вылез оттуда крутой человек.

Носил он сандалии, кафтан и ошейник,

И кто-ж это был? Это был Блевобек!
Прошел он в туннелях дерьмище и смрад,

Посрал в Уссурийске и вышел на волю,

Но был окровавлен, разорван уж зад.

Перхат откусил его вкусную долю.

Скрывался он в узком, вонючем метро,

Но вместо толпы и смешных паровозов

Текло там вонючее море - говно,

А сверху уж плыли громады навоза.

Вы верно, читатель, опять возражаете:

«Кто такой Блевобек, что ест море говна?»

И я попрошу Вас вернуться к Перхатье,

Она, непременно, сведет Вас с ума!
К ним тут прилетел могучий сортир,

И Бек в нем устроил шикарный пир.

Большой поварешкой всю мерзость черпал

И на муравейник смешно поднастрал.

Залез муравей Блевобеку прямо в нос,

Туда Бек засунул вонючий навоз.

Глава II.

Со детства героя зовут моего

Красивейшим именем Толя.

Фамилия была его Контрабас,

Недавно он вышел на волю.

Сидел в настоящей, советской тюрьме

За лишнее бойкое слово,

Которое власти сравнивает в говне,

Система трещит у них снова.

Сказал он на площади, что Ленин есть гриб,

И тут же его заломали.

Насрал в чрево Толе вонючий кариб,

Черешней в СИЗО закидали.

Отец Анатолия - Виссарион.

Он был очень жирный рабочий,

Ходил по помойкам и кушал картон

И срал на диван что есть мочи.

Зашли Бек и Толик в местный трактир

И там винегрет поедали.

Присел Блевобек на вонючий сортир,

Толяна на плечи, помчали!

Со скоростью звука летел туалет

И смрадом тайгу рассекал.

В полете Бек шпатель сожрал на обед,

В который на днях он насрал.

И с недр толчка раздаётся вдруг голос.

То диктор наш был, Эдуард Ананас,

Гласил он про, что сожрал пару волос,

Трубу, поварёшку, картофельный зраз.

Глава III.

Прилетел толчок в поселок,

Кипятильней тот зовут,

Толин там гулял теленок

И бомжи на кафель срут.

И огромный кипятильник

В главной площади стоит.

Пролетарии, кто строил,
Каждый в ужасе дрожит.
Рядом с ним стоял рабочий
И замешивал бетон.
У него проблема почек,
Ведь сожрал он патиссон.
Блевобек к нему подходит,
Начинает говорить:
«Прекрати чинить, отродье,
Прекрати бетон месить!
А не то возьму черпатель,
По башке тебе им дам,
Буду я тебе каратель,

Чтоб пресечь сей стыд и срам!»

Но рабочий непреклонен,

Ведь работал за еду.

Блевобека он не слушал

И его белиберду.

Вместо этого (напрасно)

Взял рабочий пулемет.

Толя очень испугался,

Что его сейчас сожрет.

Пулемет стал смертоносным,

Ведь рабочий зарядил

Пролетарскими зубами

И по недругам палил.

Блевобек огромной тушей

Анатолия закрыл

И своим толстенным жиром

Пули с легкостью отбил.

А патронов было мало,

Как не сгнивших вновь зубов

Пролетариев, рабочих,

Ленин-Сталинских рабов.

Анатолий взял сотейник,

Блевобека оттолкнул,

Положил туда вареник,

Пролетарья оттолкнул.

Блеванул тот пролетарий,

Высрал сваренный картон.

Блевобек собрал все это

И перемешал в бетон.

Блевобек начал погром,

Выпил залпом весь бетон

И огромный кипятильник

Долбанул большим багром.

Вдруг те видят: полицаи

С таянками на них бегут.

«Нас сейчас сдадут на сваи

Или просто в прах сотрут!»

С этой речью Анатолий

По периметру насрал.

Получился треугольник:

Полицаяев разбросал.

Бек, на выдержав зловоний,

Кипятильник обосрал,

И со злости пролетарий

Чуть кишки не разбросал.

Бек, Толян взошли на гору,

Там, где кипятильник был.

«Где сортир наш, Анатолий?»

«Я его не взял», - «Дебил!»

Нас же щас перекромсают

На крутой горе Казбек

И в шашлык наш прах пожарят

И сожрут!» - промолвил Бек.

Вдруг пришла толпа буржуев,

Пролетариат позвал:

«Взять двоих тех оболдуев!» -

Жирный боров прокричал.

Блевобек взял гидромолот

И на тушу патронташ,

И бежит толпа буржуев

Гору взять на абордаж.

Анатолий жидким стулом

Гору смрадную залил,

Дал простор дерьмища струям

И буржуев победил!

Туши их текут ручьями

Прям Ашоту на обед.

Сражены двумя друзьями,

Что спасут сей мир от бед!

Аннексировали город

Блевобек и Контрабас.

Начался там жуткий голод.

(Разве, это не про нас?)

Всех столовых поносил,

Где поесть можно нормально,

Там он Колобок открыл

И поганую Блевальню!

И теперь всю Кипятильню

Смрадный смрад заполонил,

Даже медную плавильню!

Каждый сжалиться просил.

И на третью неделю

Прорвало говном платину.

Сильного потока смрада

Не пережила турбина.

Все дерьмищем поносило:

И поганую Блевальню,

Колобок, дома и сральню,

Град говном заполонило.

Блевобек стеною склизкой

Пред горою надристал,

И огромный кипятильник

Перед смрадищем не пал.

И том страшном сказанье
Пел мужик, что срал в толчке,
А его рукописанье
Я нашел в сливном бачке.
Там писалось: «Смрад повсюду,
Город наш подвергли суду.
Гадкий, жирный Блевобек
Город загубил на век».

Глава IV.

На вонючем смрадном море
Дети малые сидят.
Срет на них там дядя Боря,
Плов узбеки все едят.

Анатолий знал Бориса,

Как смешного сорванца.

Он насрал в нору на лиса,

Много жрал он холодца.

Полномочия сложили

Контрабас и Блевобек.

Смрадом жирным, склизкой массой

Недоволен человек.

«Им бы вечно жить в сортире!

Им бы вкусненько пожрать!

Им бы чудных туалетов,

Куда можно много срать!

Что же вы нам обещали?

Пятилетку за три дня!

Вместо этого насрали

Кучи смрадного говна».

Всю Блевальню разгромили,

Колобок дотла сожгли,

То, что Толя, Бек любили,

Спасти сами не смогли!

Скрылся вновь вонючий Бек

С Анатолием в лесу.

Пили смрад из местных рек,

Жир топили на еду.

Между тем, Борис, тот самый,

Заходил уж в детский мир,

Ну а там, наполнен срамом,

Мирно жил турбо-сортир.

И, соблазном пораженный,

На толчок Борис присел,

Унитаз, говном зловонный,

Быстро в небо полетел.

Блеванул Борис в полете,

В страхе распластал кишки

И расфасовал в горшки.

(Вы, наверно, их сожрете.)

Прилетел в халупу Беку

Верный, смрадостный сортир.

Он купил его в турецком

Рынке за двенадцать лир.

«Кто таков?» - спросил у гостя

Разъяренный Блевобек -

«Разломлю тебе я кости,

Если ты сотрудник ЖЭК!

Не хочу платить за воду,

Не хочу давать оброк,

Не платил за эту сроду,

Я боярин!..» - «Ты дюроч!

Прилетел к тебе я с миром

На загадочном толчке,

Он измазан был весь жиром,

Плавали кишки в очке».

«Я уж давний враг союза,

Анатолия я друг!

Отрастил себе я пузо

И теперь я формой круг».

Но буржуев вдруг набег

С Бекон разговор прервал.

Нацепил обмотки Бек,

По периметру насрал.

Воевать уж бесполезно,

Анатолий на толчок,

Блевобек емуна плечи,

Взял Борис за ободок.

Полетели оболдуи

Сквозь Российские леса,

И Борису оторвало

Прям в полете пол носа.

Глава V.

Приземляется карета

На центральной мостовой.

Град готовился к обеду,

Ведь в кишках опять застой.

Достают с огромных баков

Очень вкусный артишок,

С блевотой огромных раков,

Склизких тридцать пять кишок.

И берет буржуй из печки

Кипяченный патефон,

Варят, жарят суп из гречки

И кладут на стол картон.

Отрезает пролетарий

У бомжихи прядь волос,

Положил в кастрюлю с супом

И сожрал весь тот понос.

Но, завидев Блевобека,

Анатолия, Бориса,

Стал народ страшнее греков,

Пачку кинули в них риса.

И узбек, довольный пловом,

Поварешку вновь схватил

И бежит побить героев

Этот толстенный дебил.

С кирками бегут шахтеры

Оболдуев драть в руду,

Жирный боров срет забором

И кричит белиберду.

Бой начав с народом страшным,

Блевобек достал сапог.

Бил буржуев очень смрадных

Сильно-сильно, сколько мог.

Смастерил Борис метелку

И рабочих отгонял.

Еб дал под зад теленку

И рабочих обосрал.

Извергает вонь туалета

Анатолий изо рта

И поносный смрад победы.

Поражает срамота!

В Кипятильне дым вонючий,

Как туман, распространил

Анатолий премогучий.

Блевобек непобедим.

Бьют врагов три обалдуя

И буржуев поражают.

Пролетарьев смрадом кроют

И победа наступает.

Но внезапно жирный, склизкий

Прилетел буржуй-глава.

Его звали все Евкакий,

Он большая голова.

Затолкал он Бека жиром,

Толю окунул в понос,

Расчленил Бориса тушу,

Перетёр ее в навоз.

Блевобек достал со страху

Чайник, где кипел компот,

И рукой большим размахом

Вылил все жирдяю в рот.
Обадел Евкакий сильно

От компота сгоряча.
Был он очень-очень склизкий

И на вкус прям как моча.

Вздулся сильно жирный боров

И рабочих раздавил,

Но не лопнул от обжоры,

Скипидару он не пил.

Анатолий был обосран,

Был обосран, но ведь жив!

Он в поносе, хрупком смраде

Жизненный нашел порыв.

И соскрябал Анатолий

Прах Бориса прям в мешок.

От брыжейки была доля,

Он запасся ими впрок.

Улетели в туалете

Два великих молодца,

Захватили прах Бориса

И кусочек холодца.

И летят теперь придурки

Во московские края,

Натирают свои руки

В кучах смрадного говна.

Глава VI.

Задремал наш Блевобек,

Надев пред тем на пах совок.

Во сне видал он страсти

Каждой в мире гадкой масти.

Пришел он в поле, сел в кусты,

Но вдруг! Кишки его пусты.

И тут он резко увидал,

Как с неба паровоз дристал.

Состав пыхтел, кричал, пылал,

Лишь только Павел рожь жевал.

Он был как конь, а впрочем, нет,

Он больше схож был на омлет.

Его усы красивы были,

Их словно никогда не мыли,

То Блевобек не оценил

И дуб в моменте округлил.

На нем в мазут он покатился

И вдруг в Унече очутился.

Там было все, там срут моржи,

И много там для Павла ржи,

Летает брюква вдоль дорог,

И там куёт батон сурок.

Медведь танцует в ритм джаза,

К нему бобры пришли на мазу,

Они все вместе жрут картон

И быют хвостами там бетон.

Несётся Бек через тайгу

И в нос суёт свое рагу,

Совсем он этому не рад,
Но я ему не помогу,
Ведь извергает с жопы смрад.
Во Фрязино Бек прилетел
И тут со страху ошалел,
Увидел он, что смрада нет,
Что жрал всегда Бек на обед.
Сортиры все тут поносили,
Свиней на мясо зарубили,
И тут теперь никто на срет
И жопы об забор не трет.
Бомжи опрятны и помыты,
И больше уж не срут в корыто,

Говно здесь не течет рекой

И жопу тут не трут рукой.

И чистые дороги, воду

Не видел Блевобек наш сроду,

И где он кучу не насрет -

Придет уборщик, уберёт.

Бек много смрад блевал и срал,

А этот гад все убирал!

И Бек в истерике орал,

Что он штаны и нос стирал.

И начал богу он моление,

Чтоб съели Фрязино бомжи

И город сгинул как явление,

Да Павел смог насрать во ржи.

Глава VII.

В поту проснулся Блевобек,

Такой ужаснейший кошмар

Он не забудет через век.

Его кидало в дикий жар.

И крикнул в ломке: «Дайте мне

Вкуснейший сочный артишок,

Чтоб он измазан был в говне,

В рот дайте вафельный рожок!»

Приземлился белый стульчик

Прямо в Псковские края.

С туалета была ручка:

Сорвалась, не устоя.

Вы же спросите, читатель:

«Зачем ручки в туалет?»

Обосраться можно жидко

И отправиться в полет.

Ну а можно удержаться

И с поносу не взлететь.

Очень мощно обдристаться,

Жопу в унитазе греть.

И в вонючих испражнениях

Разорвался унитаз.

Я в своих произведениях

Это уж пишу не раз.

В этот раз обломки сральни

Разлетелись по траве

В городе Великих Луков

И немножечко в Тыве.

А дерьмища все остатки

Бек засунул прямо в рот,

Контрабаса взял за пятку,

Извергал говно: в полёт!

Тонкая струя поноса

Обливает смрадный лес

Прямо с Блевобека носа,

Он летит, как будто бес.

Анатолий с болью в пятке

Беку смрадный рот заткнул.

Туши плюхнулись в болото,

Подбегает к Толе мул.

Он кричит от дикой боли,

Ведь недавно съел котёл,

Икусали его моли,

Забодал его козёл.

Контрабас дал мулу лука,

Но в ответ от долбанул.

Агрессивный сильно мул,

Та еще, конечно, бздюха.

Не стерпел насилье Толя,

Сунул в мула баклажан

И лишил он зверя воли

И запряг его в банан.

Прах Бориса схоронили

У животного в очке,

Мула тушу расчленили,

Спрятали в окорочке.

Блевобек совсем не рад был,

Что взорвался в туалет,

Он, во-первых, его строил

Много склизких смрадных лет.

Во-вторых, тут места нету,

Где им срать свои глисты,

Сложно им без туалету,

Ведь придется срать в кусты.

Ну а срать в кусты - напрасно,

Для очка нужна нам вещь.

Лопухом тереть опасно,

Ведь залезет в жопу клещ.

В-третьих, им летать уж нечем,

Нечем ехать, нечем плыть,

Нечем извергать им печень,

Чтобы землю смрадом крыть.

Поразбиты все дороги,

Не доехать ни на чем.

Бека все загнили ноги,

Не пойдут они пешком.

И, в-четвертых, Беку смрадно,

Не переместится он

Без специального сортира

На Нептун, Уран, Плутон.

«Но ведь там уж нет сортиров,

Не построил человек,

Все-равно, туда не встал-бы

Огорченный Блевобек».

Главное, на Марс не встанет

Блевобекова нога,

Атмосфера им земная

Понаставила рога.

Глава VIII.

Анатолий Блевобека

На плечах до Лук донес.

Рядом смрадно текут реки,

Извергается понос.

И по всюду можжевельник

Глав-буржуй здесь посадил,

Спер от них он много денег,

От богатства поносил.

Блевобек лежал на лавке

И помои продавал:

Патефон, гнилые лапти,

Анатолий побежал.

Заходил во все трактиры

Расспросить про туалет,

Про осколки от сортира,
Времечко: настал обед.
Прибегает Толя к лавке,
Открывает весь горох,
Залпом пьет и жрет всё в давке,
Жиром запасает впрок.
Чуть не лопнул Блевобек.
Анатолий с пердежа
Подлетел на вонь вверх
Тихо, медля, не спеша.
Рассмотрел получше землю,
Но обломков не нашел.
Тут смердящий бомж-геолог

К ним в коляске подошел.

Блевобек все объясняет,

Бомж-геолог отвечает:

«Есть в России очень смрадный

Кипятильник - важный чин -

Он красивый, очень ратный,

Рядом где Нижний Тагил.

Подбери себе верблюда,

Едь на нем прямо в Тагил,

Из него изжарь там блюдо,

Я его на днях избил».

Глава IX. Плач Блевобека

На верблюде, во Московской дали,

Лишь кишки развяжет поутру,

Блевобек, наполненный печалью,
Словно боров плачет на юру:
«Обосрусь я в белую подушку,
По Тагилу-речке полечу,
Расчленю верблюда толсту тушку,
Про буржуев бредни покричу.
Подорвался мою любимый стульчик,
Разлетелся по родной Руси,
За него продам я пару почек
И теперь несусь его спасти!
И меня ждет встреча со врагами,
Увидают - разорвут кишки,
Но я должен связан быть узами,

Подарю им шпатель и коньки.

Я надеюсь вовсе не озлоблен

Милый Кипятильник тот,

А иначе буду смрадно вспорен,

В нищете уж гибель меня ждет!

О, великий Кипятильник,

Ты прости меня, прости!

Я тебе пожарю сырник,

Помоги и отпусти!

Пред тобою встану на колени,

Пред тобой засуну шпатель в рот,

Тебе в жертву я отдам сотни пенни,

Пусть насрет мне в чрево бегемот!»

Глава X.

Чрез уральские массивы

Едут Толик, Блевобек,

Испивают с кружек пиво

И помоища из рек.

Поют песни про розетку,

Про пельмени, про комод,

Про развал гидроплатины

И проблемы сточных вод.

Контрабас и Бек уж едут

Испытать свою судьбу.

Может их спокойно встретят?

Или вступятся в журьбу?

Ждет их много приключений,

Диарея и понос.

Скоро вставят Блевобеку

Кипятильник прямо в нос...

Часть 2.

Глава I.

Туалет - чудесное творенье,

Ведь можно срать с ним много лет,

Блевать пред ним, встав на колени,

В Кипятильне же такого нет.

Там идет огромная работа,

Дамбу восстанавливают вновь,

Дым идет из труб цехов заводов,

Пашут свиньи, проливая кровь.

Льют металлом жидким кипятильник,

Жиром пролетарий забивает гвоздь,

Все рабы работают обильно,

Горбачёв сюда приехал - важный гость.

Только он владеет унитазом,

Остальные какают в загон.

Массы смрадные черпают разом,

Из него мешают, льют рабы бетон.

Но процесс рабочий свергнут громом молний:

Туалетная тревога в городке.

Анатолий вновь явился неугодный,

Блевобек за ним катается в латке.

«Караул в ружье!» - кричит майор толстенный,

И хватают пехотинцы что попало:

Говномёт, меч, копья и полено,

Ручку, холодильник, опахало.

Тычут в чужеземцев этим смрадом,

Блевобек кричит: «Мы с миром, мы свои!»

На майор кричит: «Убить их надо!

По приказу их убрать с лица земли!»

Но достал тут Толя окуня с кармана,

И майор похорошел лицом.

В ступоре стоят солдаты-атаманы,

Их начальник прищемил яйцом.

Он такую взятку без раздумий принял,

Ведь об окуне всю свою жизнь мечтал,

Впустил Бека с Толей в Кипятильню,

Раскидал солдат, взял рыбу и сбежал.

Но недолго бегал пятисотый в лесной чаще

С окунем во сладостных мечтах.

Там ходили с рыбнадзора люди наши

И майора превратили в прах.

А тем временем, в огромной Кипятильне

Убегает от рабочих Горбачёв.

Где такое видано в помине?

От народа убегает вождь!

Он достал рабочих своим вечным смрадом,

План повысил, а зарплату нет.

Хапает процент этот карманом,

Не дает рабочим на обед.

Для него была фатальная ошибка

Злоупотреблять доверием труда.

Разузнали все, куда идут избытки,

Нет теперь доверия - беда.

Глава II.

День назад, уставший с жирной ноши,

Анатолий сбросил Блевобека с плеч,

Снял с него сиявшие поножи

И достал из жопы смрадный меч.

Бек кричит: «Ты что удумал, толстый?!»

Анатолий уж не слушал: взмах, удар!

Нет голеней сгнивших Бека больше,

В бреднях с боли Бек кричит: «Пожар!»

Анатолий вдруг, как будто пьяный,

Звуки зайца начал издавать.

По лесу идет вой Толи смрадный,

Хочет зверя он сюда призвать.

Прибежала в место к ним медвежья туша

И сожрать хотела всех героев.

Анатолий тоже захотел покушать

И медведя оглушил с помоев.

Рубанул медведю ноги, словно Беку,

И ему же их на отруби пришил,

Присобачил ему колесо на руку

И пошло-поехало чудовище страшил.

Глава III.

На местном рынке все торгуют смрадом,

Тут нет еды, но есть навоз,

Гнилые пальцы и прах бабки рядом,

А в холодильнике олений нос.

Сбивает цену Анатолий в лавке,

Купить он хочет клюшку в нос себе,

Но был барыга непреклонен вовсе.

К ним Блевобек спустился по трубе.

Он щавель обменял на клюшку просто,

Команда вновь была вооружена.

Ту клюшку сострогали по советским ГОСТам:

Плохое качество, высокая цена.

И начал нарастать внезапно грохот шага:

Неслась толпа, сбивая все вокруг.

Они слышали, что скидки на паяльник,

Никто там никому товарищ-друг.

И ночью до восхождения светила

Взошли на холм герои до вершин.

На них двоих идет охрана из сортира.

Забыл взять клюшку Толя, вот кретин!

«Идите в жопу вы, буржуи смрада!» -

Кричит им стража, доставая меч.

«Вам тут двоим совсем-совсем не рады,

Сейчас вам снимем головы мы с плеч!»

Тут подошел к охране смело Анатолий,

Забалтывать их разным быстро стал.

Своими сказками лишил охрану воли,

Ведь параллельно мощно мерзко срал.

Он объяснил им, что такое жопа

И рассказал им сказку «Колобок».

Забыли резко все эти амёбы,

Что Блевобек пробраться дальше смог.

Теперь стоит он, смотрит на статую,

Великий Кипятильник перед Беком.

Похож он был совсем на запятую,

А рядом с ним текут из смрада реки.

И Блевобеку створ ворот легко поддался,

Пред ним сиял красивый смрадный трон.

Великой Кипятильни лидер оказался -

Вонючий жирный хряк, а звать его Барон.

Он пристально взглянул, прикрывшись буреломом,

И говорит: «С войной опять в мой дом?

Ты хочешь смрада исчерпнуть шеломом

Или занять мой золотистый трон?»

И в ступоре от страшного похмелья

Шагает Блевобек во тронный зал,

И, не дойдя до унитаза с лени,

Он золотой паркет жестоко обдристал.

«А ну-ка убери немедля кучи смрада

Или заставлю их прям так слизать!»

Но Блевобека заставлять совсем не надо,

Он каловые массы начал поглощать.

Объевшись досыта вонючих испражнений,

Весь дух свой Бек в кулак собрал,

Упал пред троном жалко на колени

И молвить клятвы громко стал.

«Прости меня за все, великий мой правитель,

За то, что много смрада я принес,

Пришел я с миром во твою обитель

И в жертву я готов отдать свой нос!»

«Со мной беда большая получилась...»

«Какое дело мне до этих бед?

Вы с Беком меня в храме заточили,

На Кипятильник смрадный кинув плед.

А сами захватили власть тут,

Устроили народу сущий ад,

Но жители терпеть ну будут,

С престола тебя сняли, подлый гад!

Мы град восстановили с помощью Перуна-друга,

И на тебя я зла уж не держу,

Но за услугой следует услуга.

Пойдем, тебе я что-то покажу».

Идут они в сортир дремучий,

На стол ложится Блевобек,

В такой важнейших жизни случай

Своим он носом пренебрег.

Заходит свин-барон со стулом,

На нем лежит кусок говна,

И кипяtilьник в жидком стуле

Лежал на стуле издавна.

Его Барон, правитель града,

Носил как царь, замест короны.

Он кипяtilьник в кучах смрада

Озолотил, как все Бароны.

И мощным взмахом свин вонючий

Вонзил трофей прям Беку в нос,

Он зарыдал, как дождя тучи,

От боли начался понос.

Процесс обратный был не лучше,

В страданиях был Блевобек,

Как будто выпил он кефира кучи

Просроченного уже век.

Теперь в соплях была корона,

И добежал Барон до трона.

Он оказался унитазом,

Его открыл он крышку разом.

В него вложил все виды смрада,

Про них, пожалуй, промолчу,

И в эту кашницу из ада

Он кипяtilьник окунул.

Свин ритуал большой исполнил,

И кипяtilьник засверкал.

Он силой статую наполнил

И смрадом город засиял.

А Анатолий на холме

Ослеп от света Кипяtilьни

И под конец в кромешной тьме

Дошел он до ворот обильных.

Теперь Барон огромной силой

Был наделен он туалетной жилой.

И мог повелевать говном

Всех разных жидких, твердых форм.

Он мог с любого унитаза

Призвать дракона нечистот.

С магического заклинанья

Срал очень страшно бегемот.

Он мог любому человеку

Вызвать скручение кишок,

Наполнить мог он смрадом реку,

Свинью мог превратить в носок.

И в ступоре стоят герои.

Тут входит Толик в тронный зал.

Заместо с свином смертных боев

Он про проблемы молвить стал:

«На нашей местной старой ГЭС

Сломалась смрадная турбина,

В нее енот недавно влез

И сделана была с сортира.

Во всем союзе с ГЭС беда,

Их мало очень на отчизне,

Уйдут на перестрой года,

Дадим для ГЭС немало жизней.

Включить в работу все заводы

Нам нужно и дворцы продать,

И в туалета водопроводы
Во смрада реки все сливать».
Впечатленный речью Толи
Свин-Барон похорошел,
На ночлег двоих устроил
В металлический котел.

Глава IV.

В нем лежат Бек с Толей вместе,
Не посрав не могут спать.
Туалет закрыли местный,
Вместо сна не могут срать.
На говне лежать опасно,
Могут менингит схватить,

Менингит это ужасно,

Ведь нельзя какашки пить.

До утра они не спали,

Ведь кишечник рвал смрад-газ,

Не сдержались и насрали

Другу каждому во глаз.

Им говно глаза закрыло,

Тут же в мозг нагрянул сон,

Им обоим вдруг приснилось:

В Кипятильню едет конь.

А за ним из белок стая

Бьет, крушат сортиры тут,

Смрад творят полнейши твари,

Кипятильник свињи быют.

Глава V. Смердны́й бой

Оказался сон их вещей.

Вылезают из помой

Хряки жирные зловеще

И бегут на смердны́й бой.

Не надев трусы, герои

Убегают ко Барону.

Он на троне жрет помои

И дерьма несет корону.

«Атакуют город свињи!

Знаешь ли их, наш пророк?»

- «Это склизкие пьетрены,

Ну а я - ландрас-дюрок».

А пьетрены все воюют

За союз и коммунизм,

Истреблять их люди будут,

Не оставим шанса им!

Свин потужился и высрал

Из фекалий фейерверк.

Он на смрадный бой всех вызвал,

Обалдел вдруг Блевобек.

Тут Барон встает со трона

И идет смотреть на город,

Рядом с ним пьетрен был вспорот,

Насмешило то Барона.

«Заряжайте пушки жиром,

Защищать должны мы град!»
И летит теперь по свиньям

Склизкий очень жира смрад.

Толя вдруг достал гороху,

Не пережевав, он съел,

Тут же вызывал он блевоту,

Начинается обстрел!

Рвут зеленые снаряды

Сальные свиные туши,

Но не всех он пробивает,

Кукурузу взял-бы лучше.

И солдатов не хватало,

Свинок было большинство.

Тут Барон взял опахало,

Начал делать колдовство.

Молвит заклинанье он:

«Наступай же, буря смрада!

Жидкий стул, асфальт, картон.

В Кипятильне жизни рады!»

«Мерзостью наполнить небо,

Смрада тучи наплывут,

Пусть все толстые амебы

Все неистово засрут.

Зевс, застой им прекрати

И кишки им свороти,

Разорви ты им пупок,

Преврати их всех в носок!»

Громом молний Зевс исполнил

Заклинанье свин-барона

И всех смрадных пьетренов

Он дерьмищем переполнил.

Извергаются фонтаном

Мародеры-хряки все,

Под уродливым кабаном

Все теперь лежит в говне.

Разорвало им кишечник

И упали все хряки.

Тут могучий Зевс взял веник,

Превратил их всех в носки.

Глава VI.

Вдруг затихло поле битвы,

Вороги побеждены.

Туши все лежат убиты,

Души освобождены.

«Джоне-джоне!» - крикнул Толик,

Ведь теперь есть сало.

Нет тут мусульман, католик,

Вновь еды немало.

Работяги побежали

И загнившими зубами

В туши жирные вцепились,

За еду друг-с-другом бились.

И спустя одну минуту

Завершилася та смута,

Кроме кожи и костей

Не осталось там свиней.

Ведь от смрадной голодовки,

От питания перловкой,

От работы монтировкой,

Валиком, пилой, ножовкой.

В городе все истощали,

Массы много потеряли,

Очень долго все не срали

И животными вдруг стали.

Наконец, поев нормально,

Извергать все стали смрад,

Заполонены толканы,

Каждый в Кипятильне рад.

Глава VII.

Вспомнив цель сюда приезда,

Подошли к Барону те,

Кто разрешил это место,

А потом спасли житье.

«За услугой есть услуга» -

Произнес цитату Бек.

«Помню я, что должен всем вам,

Ты - хороший человек.

Говори же, что вам надо».

Анатолий говорит:

«С нами много было смрада,

Наш сортир совсем разбит!

Нам скажи, Барон великий,

Как сортиру жизнь вернуть?»

- «Собирайте вы пожитки,

Отправляйтесь прямо в путь».

Тут Барон могучим смрадом

Из толчка коня призвал.

Воротилась лошадь задом,

Из нее Барон достал

Карту всю в говне вонючем,

Его Блевобек сожрал.

Наползают с неба тучи,

Дождик карту обмывал.

«По Руси всей раскидало

Ваш сортир», - Барон сказал, -

«Вам частей найти немало,
Зевс пока их не забрал».
И Барон из трон-сортира
Чудо смрада вдруг призвал.
Тот дракон из мышц, из жира
Беку две ноги собрал.
Бек от счастья обосрался,
Не ходил нормально год,
Толя, Бек мешки собрали
И отправились в поход.
Про их смрадно приключение
Я потом вам расскажу,
Может, выслу я поэму

Или сказку напишу.

Глава VIII.

И спустя одну неделю

Кипятильни труда мир,

Все внезапно омерзели,

Прилетает к ним сортир!

А на нем - герои славы,

Блевобек и Контрабас.

Уважают бойцов бравых,

Тех, кто город смрада спас.

Здесь недавно губернатор

Слишком много взяток взял,

И дерьмища, и фекалий.

Лопнул боров - пережрал.

А замест него назначил

Царь-барон на сей престол

Контрабаса Анатоля.

Он на пьедестал взошел,

Дал приказ: «Немедля строить

Памятник Борису-другу».

И не стал перечить сброд

Против - кто по морде стругом,

Наш честной народ.

Глава IX.

За неделю так собрали

В память Боре статую.

Тут на сральню всходит Толя,

Начал молвить речь свою:

«Горожане, вспомнить надо

Нам Россию и забыть,

Кем союз и сброд из смрада

Всем нам приказали быть!

Обещали мир, свободу,

Обещали - все в говно,

Мы живем все так отроду,

Их убрать пора давно!

Нам народ поднять великий,

Чтоб сортир могли иметь

Все рабочие, бомжихи.

Но пока должны терпеть.

Потерпеть, но верю, встанет

За Россию наш народ,
Как при Орде в страшный год.
Вновь свобода, мир настанет.
Им недолго всем осталось,
Уж устали люди жрать,
Что в помойке откопалось
И в очередях стоять.
А пока, живите прежде
И во благо Кипятильни
Вы работайте обильно,
Крепло спите, плотно ешьте.
Вы, рабочие завода,
Где кипят, горят металлы,

Почините ГЭС народу,

Их в России очень мало!

Вы, рабочие завода,

Где стоят автомобили,

Сделайте троллейбус года,

Чтоб прошел немало миль!

Вы, строители народа,

Кирпичи бери с заводов,

Сральни всюду поднимите,

Кипятильник почините.

Вы, рабочие на фермах,

Сотнями коров растите,

Обеспечте комбикормом

И на мясо зарубите».

Из толпы раздался голос:
«Дело говорит нам волость,

Нам работать всем пора».
Троекратное «ура!»

Побежали работяги

Исполнять толпой приказ.

Блевобек сидел на сраки,

Он там исполнял намаз.

Принял что ли он ислама,

Раз уж делает намаз?

Но об этом страшном сраме

Расскажу я в другой раз.

Тут достал Толян культяпку,

Бека тут же ей огрел.

Бек упал на пол, как тряпка,

Без сознания обомлел.

Глава X.

Час спустя, под грудой праха,

Он проснулся - рядом друг.

Бек забыл веру в Аллаха

И достал с кармана лук.

Он поел, рыгнул так сильно,

Чуть он всех не оглушил,

Срал вонючим он обильно,

За собою, гад, не смыл!

И, собрав свои манатки,

Блевобек уж был готов.
(Из вещей имел он ласты

И консервы из кротов.)

«Ты прощай, мой друг любезный», -

Молвит Толе Блевобек, -

«Очень городу полезный

И хороший человек».

«Помнить буду, как мы срали,

Как мы били тут свиней,

Как верблюда мы украли

И пожарили коней».

«Я пойду, меня ждет горе.

Понял я - Перхат хорош,

Собирал дерьмища море,

Ну а я ему за грош
Разломал всю сральню к черту,

Туалеты все разбил,

Прорвало везде там воду.

Вот, конечно, я дебил!

Верю я, простит меня он

И не разорвет пупок».

Блевобек встаёт с картона

И садится на толчок.

Говорит «прощай» наш Толик,

Кнопкой смысл он унитаз

И уносит Беку стульчик

С Кипятильни прям на Марс.

Глава XI.

Анатолий на холм всходит,

Видит он, что все кипит,

Все тут делают работу,

Все пыхтят-пыхтят заводы,

Анатолий говорит:

«Раньше не любил совсем я

Этот город, но сейчас

Понимаю: тут свобода,

Тут дают всем унитаз».

Глава XII.

Туалет - чудесное творенье,

С ним срать можно много лет

И блевать пред ним, встав на колени,

В Кипятильне с ним теперь нет бед.

Там прошла огромная работа,

Город починили весь,

Там построили огромные заводы,

Там пахают люди, силы есть.

Там отлили новый кипятильник,

Пролетарий жиром гвозди все забил.

Люди все работали обильно,

Чтобы каждый в жирном счастье жил.

Все теперь владеют унитазом,

И никто не какает в загон.

Там цемент добыли вместо смрада,

Из него мешают, люди льют бетон.

В чем же смысл этой сказки?

Что конец, а что начало?

Сам не знаю, никогда

Человечество не знало.

В чем мораль этой поэмы?

Что нам говорит сей срам?

Эту страшную загадку

В размышленье дам я вам.

Я опять сижу в туалете

И строчу свои стихи.

Вы меня, прошу, не бейте

За культурные грехи.